

Евгения Сафонова

КУКОЛЬНАЯ ПРИНЦЕССА

Книга первая. Зеркала и дороги

Иногда единственный путь к победе – сдаться.

Ричард Бах

Он пришёл на закате, когда умирающий свет патокой переливался через горы. Он спешил к у плетня, и подошвы его сапог коснулись дорожной пыли без единого звука.

Он оглянулся: деревенские улочки вымерли. Даже если б стрелки часов не приближались ко времени вечернего чая – здесь, на окраине, всегда было безлюдно.

Он положил руку на калитку, подтолкнул легонько. Скользнув в щель, ступил на мощёную камнем дорожку и бросил через плечо:

- Я позову.

Двое наёмников уже спрыгнули наземь. Держа руки на эфесах клинков, косились за плетень, на деревенский дом с белёными стенами – светлый островок в зелёном море яблоневых крон. А он поднимался на дощатую террасу по невысоким ступеням крыльца, и ветер нёс ему в спину обрывки шёпота:

- Те самые Фаргори...

- ...так самоуверен...

- ...знает, что никто не увидит?

- Если и увидит, то пожалеет...

Он коротко стукнул в дверь.

Шагов хозяйки дома он не услышал. Не мог услышать. Но скоро его стук удостоили настороженным откликом.

- Кто там?

В вопросе звенели нежные переливы альвийских флейт.

- Боюсь, мой ответ вам не понравится, - он улыбнулся, - Ваше Высочество.

Тишина за дверью обернулась полной противоположностью звука.

- Ваше Высочество... - он прижался щекой к некрашеной двери; дерево было тёплым и сухим, оно грело, словно стынущая печь. – Обойдёмся без шума. Мне нужна ваша дочь. Отдайте её, и вас никто не тронет.

- Принцесс в этом доме нет, - её голосом можно было колоть лёд. – Я из семьи сидроделов Фаргори, что живут здесь испокон веков. Убирайтесь, пока я не...

- Ваша выдержка достойна восхищения, но в этой игре вам выпали плохие карты. Никто не выйдет из дома, пока я того не захочу. Если не откроете дверь, я открою её сам.

- Вы угрожать явились? Я громко кричу, и стоит мне крикнуть...

- Даже если вас услышат, это изменит лишь то, что сегодня умрёт парой человек больше. Или десятком. Какая разница. – Он отступил на шаг. – Я не шутить явился, Ваше Высочество. Чем скорее вы это поймёте, тем лучше.

Когда она заговорила вновь, голос её звучал глухо.

- Оставь мою дочь, и я пойду с тобой. Куда угодно. Тебе нужна я, не она. Таша ничего не знает, клянусь, она...

- Таша? О, нет, я пришёл не за ней. Речь идёт о младшей. Лив.

- Лив? Но...

Она запнулась, и его улыбка стала шире.

- Неожиданно, правда? – сказал он, когда молчание затянулось. – Отдайте нежеланную дочь – будете жить. Вы бы сами этого хотели. Знаете ведь.

- Кто ты? – она почти шипела. – Откуда знаешь...

- Я знаю больше, чем вы думаете, Ваше Высочество. Все ваши большие и маленькие тайны. Но ваши вопросы останутся без ответов.

- Зачем тебе Лив?

- Что я говорил насчёт вопросов? Впрочем, одно исключение могу сделать... из уважения к вам. Скажем так, я задумал одну забавную игру, и вашей дочери в ней отведена весьма почётная роль. – Он подал знак двоим за плетнем. – Так откроете?

Две тени прочеканили шаги по каменной дорожке, прохрустели по разошедшимся ступенькам, чтобы встать за его спиной.

- Нет.

Яблони шелестом взволновались на ветру.

- Благодарю, Ваше Высочество. – Он склонил голову. – Вы меня не разочаровали.

Он не шепнул таинственные слова. Рука его не взметнулась в замысловатом пассе. Казалось, он не сделал ровным счётом ничего, но дверной засов с той стороны поднялся вверх.

Когда дверь распахнулась под порывом неощутимого ветра, за ней никого не было.

Он шагнул в пустую прихожую: коврик на дощатом полу, рогатая вешалка у бревенчатой стены, три двери в жилые комнаты. Взглянул под ноги.

Мыском сапога поворошил серый ком сброшенного платья.

- Перекинулась... значит, в прятки играем? – кивок на дальнюю дверь. – Она там.

Клинки выскользнули из ножен почти беззвучно. На серебряном покрытии блеснула закатным багрянцем тонкая рунная вязь.

Две тени скользнули вперёд одновременно с тем, как дверная ручка провернулась невидимой ладонью.

Всё случилось быстро – разговоры и предупреждения остались позади. Она просто атаковала, они просто защитились; когда чёрная волчица упала к ногам наёмников, с лезвий ртутными шариками скатилась кровь.

Ни визжать, ни скулить она не стала. Даже от ран «нечестивыми» клинками.

Вместо неё завизжал кто-то другой.

- Мама!..

Когда девочка, метнувшись из-под кровати, кинулась на наёмников с кулаками, с его губ сорвался смешок.

Смелая девочка. Глупая девочка. Ведь не оборотень, не маг: просто маленький человечек, которому мать велела спрятаться и сидеть тихо...

Хотя толку-то.

...а за много вёрст от светлого дома и яблоневых садов, по облитой закатной глазурью дороге рысила каурая кобылка.

Безлюдный тракт убегал в пылающий горизонт, и компанию всаднику составляла лишь тихая песня цикад. Мужчина, сгорбившийся в седле, казался дремлющим – до мгновения, как цветущая лебеда на обочине тихо всколыхнулась. Очень странно всколыхнулась: двумя полосами, которые на миг пролегли и тут же сгладились в травяном море.

Лошадь повела мордой по ветру. Встревоженно стригнула ушами воздух. Всадник не встрепенулся, даже не выпрямился – лишь чуть повернул голову.

Вглядевшись в заросли лебеды, вымахавшей в человеческий рост, он медленно протянул руку за спину.

Лебеда глухо, бесконечно злобно зарычала в ответ.

Лошадь понесла в миг, когда трава выплонула две мохнатые тени. Лошадь понесла, когда звери уже взвились в прыжке.

Лошадь понесла безнадежно поздно...
...но всё это было далеко.
А здесь и сейчас в доме смолк детский крик.

Вскоре трое всадников пустили коней галопом: по ниточке просёлочной дороги к ленте тракта, уползавшей за кромку пшеничных холмов, прочь от яблонь, шепчущихся вокруг мёртвого дома.

Он не оглядывался. Он смотрел в небо. И хотя разглядеть в вышине маленькую белую птичку не представлялось возможным – знал, что она там.

Скоро птичка по имени Таша вернётся домой...

- Что ж... - он улыбнулся своим мыслям, - до встречи, девочка моя.

Новая игра началась.

Глава первая *Книжные дети*

За один неполный оборот часовой стрелки до момента, разделившего их жизнь на «до» и «после», в канун дня, на исходе которого незнакомцы явились в их дом – Таша и Лив лежали в саду и трясли небо.

Вечер был прозрачным и сладким, как леденец: липы на заднем дворе только вчера осыпало медовыми звёздочками цветов. Росистую траву на полянке между яблонями примял лоскутный плед. Листва шептала колыбельные двум девочкам, что смотрели на звёзды, смешно вздёрнув ноги к небу – словно хотели подошвами мягких туфель коснуться двух лун, в этот час висевших почти рядышком.

- Ещё одна! – Лив довольно указала туда, где в черноте исчез росчерк упавшей звезды.

- Успела загадать? – улыбнулась Таша.

- Ага!

- И сколько желаний осталось?

Лив смешно наморщила нос, припоминая свой немаленький список:

- Шесть.

Таша посмотрела на дом. Свет с террасы просеивался сквозь яблоневые кроны, разливался по каменной дорожке до калитки, лизал золотыми лучами край тропы, уводившей к их любимой поляне.

Отсюда маму не было видно, но наверняка она уже готовит им травяной чай на сон грядущий.

- Придётся постараться, если хотим сегодня управиться, - сказала старшая из сестёр Фаргори.

Поёрзав на пледе, Лив старательно засучила ногами в воздухе. Как и Таша. Со стороны могло показаться, что они пинают звёзды, и догадки эти были бы недалеко от истины.

Увидев их впервые, немногие могли предположить, что они родня. Старшая дочь Мариэль Фаргори уже прожила свою шестнадцатую весну, а младшей едва исполнилось девять, но и при такой разнице от сестёр ожидаешь большего сходства. Лив унаследовала вишнёвые глаза матери, её худенькая косичка отливала той же обсидиановой чернотой, что локоны Мариэль. Светловолосая сероглазая Таша пошла в бабушку (так говорили, во всяком случае). В чертах лица также не было общего. Однако все сомнения отпадали, стоило хоть раз увидеть, как Таша возится с малышкой, которую многие считали ребёнком совершенно невыносимым.

Такое мнение имело под собой основания. Но крошка Лив слишком любила маму и старшую сестру, чтобы изводить ещё и их.

Приближение Гаста Таша услышала задолго до того, как его шаги зашуршали по тропинке.

- Что-то ты припозднился, - сказала она, когда друг застыл на краю полянки.

- Ну прости. Сперва у кузницы старика Лира долго торчал, потом дядя нравоучительствовал. – Краем глаза Таша видела, как Гаст недоумённо следит за их пятками. – Что вы делаете?

- Трясём небо, - поведала Лив со всей серьёзностью ребёнка, который едва способен усидеть на одном месте хотя бы пять моментов, а обычные полчаса школьного урока считал изощрённой пыткой.

Гаст посмотрел вверх, туда, где по небесному шёлку рассыпалась колкая звёздная шелуха.

- Мы загадываем желания на звёзды, - пояснила Таша невозмутимо. – Но их падает куда меньше, чем Лив хочется. Зато если небо потрясти, они точно на местах не удержатся.

Смеяться Гаст не стал. За десять лет дружбы – с момента, когда они случайно сели за одну школьную парту – он давно привык к её выдумкам.

- Твоя идея? – просто спросил он.

- Чья ещё.

- Я не такая умная, как Таша, - грустно сказала Лив. – А то сама бы придума... ай, ну вот, ещё одна упала, а я не успела ничего загадать! Ты меня отвлёл, дурак!

- Чай готов!

Мамин голос глухо прозвенел в синей темноте, приглушенный яблочными просторами, отделявшими полянку от дома.

Четыре пятки, облитые тонким шевретом летних туфель, одновременно ударились о плед.

- Не обзывайся. – Сев, Таша легонько щёлкнула сестру по носу. – Завтра ещё пару звёзд свалим, стрекоза. По крайней мере.

Та не утешилась, и всё время, пока Таша сворачивала лоскутное покрывало, стояла надувшись.

- Гаст-балласт, - буркнула Лив.

- Я кому сказала?

- Наш Гаст патласт, ушаст, бородаст...

- Лив!

- Не вижу ничего плохого в бороде, - сказал Гаст, смущённо почесав слегка щетинистую щёку: зимой на ней впервые показались редкие светлые волоски, пока не знакомые с бритвой.

- Борода может быть красивой, а вот твои поросёночьи шерстинки – точно нет!

Отряхивая плед от земли и травы, Таша не видела лица друга. Зато прекрасно слышала, как тот скрежещет зубами.

К детям нужно быть снисходительным (особенно когда тебе восемнадцать, и ты почти уже закончил школу и, выходит, почти уже взрослый), но порой это демонски сложно.

- Мелкая ты ещё, чтоб в мужской красоте разбираться, - процедил Гаст наконец.

- Будь я мальчиком, ты бы мне сейчас взрезал, да? – проникательно заметила Лив.

- Таша б мне не дала. Но на подзатыльник ты напрашиваешься.

Хихикнув, довольная Лив уцепилась за руку сестры; Таша только вздохнула стоически.

- Лучше скажи, ты брался за задание по истории? – спросила она, направившись к дому, одной рукой прижав покрывало к груди.

- Неа. – Гаст на ходу сорвал с ближайшей ветви незрелое яблоко. – Всё равно одна добренькая отличница даст мне списать.

- На этот раз – не дам.

- Кажется, я это слышал уже примерно... сто раз?

Выпустив ладошку Лив, Таша ткнула нерадивого друга под рёбра – судя по громкому ответному «ай», плотный лён рубашки не смягчил удар.

После она не раз вспоминала тот вечер. Детские препирательства, детские проблемы, тогда казавшиеся такими важными. Незагаданные желания. Невыученные уроки. Незначительные, трогательные пустяки, ничем не предвещавшие грядущего.

Самое страшное в жизни редко предупреждает о себе. Оно приходит без приглашения, в самый обычный день, когда ты не успеваешь и даже не собирался прибраться к его визиту. И никогда не спрашивает, готов ли ты его принять.

К такому невозможно быть готовым.

- Кажется, я не раз высказывала своё отношение к тому, что кто-то обрывает яблони без спроса, - сказала мама, когда они поднялись по деревянным ступенькам на террасу. Гаст как раз дожёвывал огрызок вместе с косточками, неведь каким образом не морщась от невыносимой кислоты. – Добрый вечер, Гаст.

Обе стрелки настольных часов приближались к двенадцатому делению из шестнадцати. Многие отправляли детей спать в одиннадцать, как только темнело, но Мариэль Фаргори придерживалась иных взглядов на воспитание. На террасе ночь расступалась, развеянная магическим светильником посреди стола: шарик ровного золотистого света в резной меди ажурной оправы. Вокруг дымились чаем глиняные кружки и тлели в курильнице травы, отпугивая назойливую мошкарку. Пахло дымом, мёдом и майским днём – Таша не помнила точный состав смеси, но туда входила бузина.

- Да ладно, тётя Мариэль. – Гаст ответил той обезоруживающей улыбкой, что сводила с ума большую часть деревенских девчонок. – Всего одно яблочко. Таша разрешила.

Мама тоже улыбнулась – только глаза остались холодными.

- Пейте. – Скользя по лицу старшей дочери, её взгляд потеплел. – Не буду вам мешать.

- Золото, а не мать, - сказал Гаст, когда Мариэль ускользнула в дом, а они расселись по соломенным креслам вокруг стола. – Моя в жизни не ушла бы. Как же так, дать сыну спокойно поболтать, а она не узнает, о чём... – друг отхлебнул из своей кружки: Мариэль, осведомлённая о грядущем визите, накрыла на троих. – Видно, деликатность у вас в голубой крови. К некоторым маленьким врединам не относится.

- Просто тебя подозревают в чём-то нехорошем, - умудрённо заявила Лив. – Нас подозревать не в чем, а твои грязные секреты нашей маме неинтересны.

Таша промолчала. Взяв печенье из плетёной корзинки, откинулась на спинку кресла и посмотрела на море яблоневого тьмы, шелестевшее вокруг островка магического света.

Даже днём отсюда виднелись только зелёные кроны да крохотный кусок дороги за калиткой. Сады Фаргори являлись главной достопримечательностью уездной деревеньки Прадмунт, в остальном совершенно заурядной; и если обычно главные достопримечательности украшали собой центральную площадь, их сады раскинулись почти на отшибе. В детстве Таша представляла, что это заповедные альвийские леса, и нет вокруг ни деревни, ни сенокосных полей, а их белёный каменный дом на самом деле – дворец Королевы Лесной: мама ведь так похожа на королеву...

В одном соседи бы с ней согласились – аристократического высокомерия Мариэль Фаргори было не занимать. Аристократической красоты, впрочем, тоже. Многие находили, что бывшая королевская фрейлина странно смотрелась в семье деревенских сидроделов, но восстание шестнадцатилетней давности причудливо перетасовало придворные судьбы.

Тот факт, что Мариэль только рада жить в стороне от сельской жизни, никого не удивлял. Даже неприязни почти не вызывал. У обитателей Прадмунта было немного причин гордиться своей малой родиной – помимо той, что сидр Фаргори вот уже полвека пили при дворе, и даже новый король не отказался от привычки, заложенной предыдущей династией. Причуда судьбы, закинувшая к ним настоящую столичную аристократку,

добавляла к этим причинам ещё одну. А фрейлина – это, конечно, не королева, но всё равно голубая кровь; и ей прямо-таки положено быть высокомерной, иначе какая ж она аристократка?..

- Что ты сегодня забыл у кузницы? – спросила Таша, отряхнув штаны от крошек.

Гаст безмятежно хрустнул ореховой печенюшкой:

- Выкраивал момент, чтоб испортить меха старика Лира.

- Зачем?!

- А нечего было рожу кривить, когда я просил себе гвоздь на удачу выковать. Что ему, жалко один паршивый гвоздь? А мне б перед выпускными экзаменами так пригодился!

- Не жалко, если б его сын не ходил с синяком под глазом, который там возник не без твоего участия.

- Лир-младший сам напросился. Нечего было язык распускать.

- Лир тебя обидел? – любопытствовала Лив, болтая ногами под столом.

- Если б меня. – Гаст покосился на Ташу. – Он твою сестру назвал... нехорошим словом, в общем.

- А чем Таша его обидела?

- Тем, что больно хороша для безмозглого страшили вроде кузнецкого сынка.

Подумав над этими словами, Лив серьёзно кивнула.

- Ты его правильно стукнул. Таша не виновата. Хотя даже если б была виновата, его всё равно надо было стукнуть, - подумав, резюмировала она.

- Вот и я о чём.

- А дядя чем докучал в этот раз? – Таша решила сменить тему, от которой щёки расцветали сердитым румянцем.

Запустив пятерню в свою непослушную русую шевелюру, Гаст взъерошил вихры на затылке.

- Как обычно. Безобразничаю, учусь спустя рукава, на кого ж отец деревню оставит, когда Пресветлая приберёт... – он недвижно смотрел на тёмное чайное зеркальце, обрамлённое жжённой глиной. – Так тошно иногда, Ташка. Всё уже за меня решили.

- Как будто тебе плохо. Станешь старостой, как твой отец. Будешь всеми здесь командовать. Если кое-кто не прекратит вредничать, отомстишь за детские обиды и заставишь кое-кого стричь свою роскошную длинную бороду.

Лив, от которой намёк не укрылся, скорчила рожицу.

- Отец никем не командует. Это дядюшкина прерогатива. – Гаст рассеянно сжал кружку в ладонях. – Может, мне и правда плохо. Может, я не хочу всю жизнь в Прадмунте провести. Родители на своём веку в город выбирались – на пальцах пересчитать можно... А я хочу мир повидать. Приключения.

Тёмные глаза на родном добродушном лице – орех, мох и сумрачная болотная зелень – смотрели так тоскливо, что Таше сделалось не по себе. Она слишком привыкла видеть в них безалаберную беспечность.

- Приключения ему подавай...

- Как будто ты от них отказалась бы. – Когда Гаст поднял взгляд, в него уже вернулся привычный шальной огонёк. – Скажешь, не мечтала победить какое-нибудь чудище, как в сказке – по-настоящему? Мне можешь не врать, я сам с тобой в колдунов и паладинов в этом саду играл. И в великие деяния Ликбера тоже.

Таша вспомнила, как они увлечённо фехтовали палками на заднем дворе. Тайком от мамы. Та одобряла разве что игры, где Таша изображала пленённую в башне принцессу, но самой Таше это казалось ужасно скучным. Сидеть без дела, пока кому-то достанется всё веселье? Уж лучше она сама сразит злого колдуна. Благо Гасту нравилось заматываться в занавеску (ткань была тёмно-серой, но они притворялись, что она чёрная) и зловеще хохотать.

Нет, Таша не отказалась бы от приключений, если б те преподнесли ей на блюде – красиво сервированными и с приправой в виде обязательного счастливого конца. Пуститься в дальние странствия. Сразиться с коварными злодеями за правое дело. Побывать в альвийских лесах и Подгорном королевстве, станцевать со Звёздными Людьми и выпить с цвергами (в конце концов, ей уже шестнадцать, можно разок позволить себе что-то покрепче чая). А потом, совершив славный подвиг во имя спасения Долины, выслушать благодарность от самого Его Величества – на балу при столичном дворе, в окружении самых сиятельных особ всех четырёх провинций...

Мечты снова завели её туда, куда ход ей был категорически заказан – и, виноват моргнув, Таша повернула голову.

Через кухонное окно видно было, как мама сидит над расчётными книгами. Тёмные кудри оттеняют благородную бледность кожи, морщинки у рта и меж бровей не портят строгой красоты точёного лица, простое хлопковое платье не скрывает безупречную осанку, не сломенную ни годами деревенской жизни, ни ударами рока.

- По-моему, про приключения куда лучше читать, чем проживать их самому, - сказала Таша, заканчивая мгновенный спор с самой собой. Потянулась за книгой, ждавшей своего часа в ящике дубового комода, лак с которого слез ещё до её рождения. – К слову об этом. Мы остановились на том, как Рикон победил виспа, но угодил в плен злых прислужников магистра Ларнека, и...

- Я тут вообще-то тоскую о своей незавидной судьбе.

- Поэтому я решила напомнить, что у любителей приключений судьба бывает куда более незавидной. – Таша открыла страницу, отмеченную тонкой латунной закладкой. Разгладила плотную бумагу, по которой ровными печатными строчками струились странствия и испытания, победы и поражения, любовь и ненависть, облечённые в текст. – *«Рикон открыл глаза. Он лежал ничком на холодных камнях. В темнице не было окон, и трудно было сказать, день сейчас или ночь. Как давно он здесь? Как сюда попал? Последнее, что он помнил – жуткая боль, когда заклинание врага достигло цели...»*

Боковым зрением она видела, как с каждым словом лицо друга разглаживается.

Спустя пару страниц Гаст снова пил чай – вместо того, чтобы мрачно греть руки о глину, и с неподдельным интересом слушал о страданиях пленного паладина вместе с притихшей Лив.

Сказкам лучше оставаться сказками. Хотя бы потому, что в сказках про борцов с чудовищами обычно не рассказывают о крови чудовищ на клинках. Или крови неосторожных героев.

Они разошлись две главы спустя, в час, когда спали не только дети – многие взрослые. Впрочем, бояться в Прадмунте было нечего, а Гасту, как и сёстрам Фаргори, позволяли многое из того, что не позволяли другим. Поэтому Таша проводила друга до калитки и какое-то время смотрела, как он не торопясь бредёт прочь по просёлочной дороге, залитой лунами и ночной синью: голубая Никадора уже взошла, золотая Аерин лишь начинала убывать, и их смешанный свет рассеивал черноту прохладными льдистыми лучами.

Домой Таша возвращалась, думая о своём. Например, что её судьба и так напоминает сказку. Во всяком случае, начало одной из них. Этот сюжет Таша встречала в книжках не раз; только вот жизнь и книжки – разные вещи, и её история – по очень многим причинам – не закончится тем, чего от подобной истории она сама бы наверняка ждала...

Мысли не помешали ей надёжно запереть засов на входной двери.

В спальне, натянув ночную рубашку, Таша села на несуразно большой кровати. Обняв руками колени, уставилась в окно – за стеклом звала, манила звёздная высота.

...она проживёт в этой деревне всю свою жизнь. Спокойную, долгую жизнь. Будет выбираться в город пару раз в год по делам, как мама. Не увидит даже хвост тех приключений, которые пережила Мариэль, прежде чем стала Фаргори. Унаследует

семейное дело, станет делать сидр, выйдет замуж (куда же без этого?) – и, конечно, за одного из местных...

Будущее представилось отчётливее, чем когда-либо, взяв за горло холодной лапой удушающей тоски.

Крылья... расправить бы крылья, прямо сейчас, сбежать в небо – от непрошеного страха, от непрошенных мыслей, от странной жажды, даже нет – знания, что где-то ждёт тебя нечто иное, новое, большее...

Тихий стук предварил миг, когда мама скользнула в дверь.

- Грустишь? – она подошла к постели: как всегда бесшумно, как всегда безошибочно угадав её настроение.

- Немного, - сказала Таша глухо и честно.

- Из-за этих разговоров о приключениях?

Конечно, маминому слуху не могла помешать какая-то там стена и закрытое окно.

- Не нужны мне приключения, - откликнулась Таша после секундной заминки. Снова честно. – Я... я просто по небу соскучилась.

Не нужны ей ни балы, ни подвиги. У неё свои маленькие приключения, с ветром в крыльях и травой под мягкими лапами.

Мама кинула за окно оценивающий взгляд, словно взвешивала на глаз лунный свет:

- Уже поздно. Я буду волноваться. Давай завтра, до вечернего чая, ладно?

Таша кивнула – и была благодарна уже за то, что мама всерьёз подумала, не отпустить ли её сейчас. Несмотря на все опасности ночи.

Кому как не Мариэль Фаргори понимать желание ощутить себя крылатой.

- Я была бы счастлива, если бы ты увидела больше, чем эту деревню, - сказала мама вдруг. – Если бы познала другую жизнь. Ту, которой я сама для тебя желаю. – В том, как она обняла дочь, скользнула та же печаль, что полутонем окрасила её голос. – Наверное, втайне я надеюсь, что ты ещё её увидишь... однажды.

Таша прекрасно знала, какой жизни желала для неё мать. Как знала истинную причину, почему Мариэль Фаргори никогда не пьёт с ними чай, если в дом заглядывает Гаст, и то, почему в глубине души она против этих чаепитий – но, любя дочь, скрепя сердце впустила в их жизнь её единственного друга. Знала даже то, почему перед сном мама всегда сперва заходит к старшей дочери; знала – вот уже третий год.

Ни Гаст, ни Лив ничего не замечали. А Таша никогда не сможет открыть им глаза. И не хочет.

- Даже если не увижу, мне всё равно. Мне и здесь хорошо, с вами.

Мама улыбнулась; теперь – без тени холода. Коснувшись губами её макушки, пожелала добрых снов.

Когда она ушла, привычно оставив светильник на тумбочке включенным, Таша зарылась лицом в подушку: спать без света она не могла, но засыпать лампа слегка мешала. Накрылась лёгким одеялом – в каменном доме было прохладно даже летом.

Она ещё ворочалась, когда в коридоре послышалась знакомые семенящие шажки. И ничуть не удивилась тому, что дверь снова отворилась.

Лив влезла на кровать бесцеремонно, не удосужившись проверить, спит ли она.

- Та-аш...

Повернув голову набок, Таша сонно приоткрыла один глаз.

- Таш, ты злишься, что я Гаста обижаю?

Сестра тоже была в ночной рубашке – старой, Ташиной. Та оказалась ей чуть великовата, и маленькие детские ладошки тонули в дутых рукавах. Распущенные волосы струились по белой ткани чернильными струйками, огромные глаза на курносом личике сейчас отливали не вишней даже – черносливом.

По уму Таше следовало отвернуться, преподав урок, который Лив заслужила. Но лицо сестры, с ногами забравшейся на постель, было неожиданно несчастным.

- Немножко.

Иногда она думала, что всему причиной неизбывное чувство вины. За свою ложь, третий год окутывавшую Лив счастливым неведением. Как бы там ни было, сестра вила из неё не то что верёвки – канатные лестницы: Таша просто не могла на неё сердиться. Если и сердилась, то куда реже, чем следовало.

- Я больше не буду, - серьёзно сказала Лив.

- С чего это?

- Не хочу, чтобы ты решила, что я слишком вредная, и меня разлюбила.

Таша фыркнула. Вытянув одеяло из-под коленок сестры, приподняла край в знак примирения: Лив охотно заползла под него.

- Я тебя никогда не разлюблю, стрекоза. Но если будешь вредничать поменьше, очень меня порадуешь. – Когда Лив улеглась рядом, Таша обняла её, как обнимала потрепанного плюшевого зайца, лишь пару месяцев назад отправленного в сундук под кроватью. – Спи давай.

Они так и уснули вместе. Не в первый раз.

Но на очень долгое время – в последний.

- Быстрее, - бросает Герланд, пока они бегут – вниз, вниз, вниз, по бесконечной лестнице, белой, как всё в королевском дворце.

Эхо дробит и перекатывает их шаги, как и отзвуки криков, пробивавшиеся сквозь стену: потайную лестницу специально строили так, чтобы с неё можно было подслушивать, папа говорил. Джеми очень старается не отставать, но маленькие ноги всё равно перебирают ступеньки слишком медленно. Как пятилетке угнаться за взрослым? Будь здесь мама с папой, его бы взяли на руки, но они остались наверху, защищать королевскую семью – долг рыцарей выше родительского, а дядя Герланд несёт брата – хнычущий комок в ворохе пелёнок. Один Герланд спустился бы быстрее, гораздо быстрее, а так... младенец в одной руке, холодные пальцы другой сжимают ладошку Джеми, за плащ судорожно цепляется Берри: ей уже девять, почти взрослая, но бежит немногим быстрее Джеми...

Крики уже не слышны, когда лестница заканчивается дверью. Один Герланд просто прошёл бы сквозь неё, но он не один, и поэтому пихает дверь ногой.

Огромный холл освещён слабо, совсем не как обычно, когда он встречает высокородных гостей – но Джеми этого хватает, чтобы узнать папу. Папа почему-то здесь, а не наверху, и стоит посреди зала, рядом с кем-то в чёрном. Кто-то в чёрном резко дёргает рукой, и папа падает.

Тут Джеми понимает, что кто-то держит меч, который только что выскользнул из папиной груди.

Джеми смотрит, как папа падает – к другим, что уже лежат на полу. Мужчины, девушки и старики, гвардейцы и простые придворные; кто в мундирах, кто в платьях, кто в ночных рубашках. Кто-то на лестнице, кто-то у самых дверей, в тёмных лужах на белом мраморе.

Джеми смотрит, как папа падает – к маме. Она тоже на полу: отсюда плохо видно, но маму Джеми узнает всегда.

Когда папа наконец падает, кто-то в чёрном уже рядом, прямо перед Джеми – тенью, метнувшейся к ним быстрее, чем может любой человек. Тень – девушка, она в чёрном, и лицо её тоже в чёрном: волосы, глаза, странные потёки на лице, будто от краски, такого же цвета, как то, что вязко капает с её меча. Только кожа белая, и звёзды, сияющие на дне зрачков, совсем как у Герланда.

Тень заносит клинок для нового удара, и Джеми не знает, почему тот до сих пор не опустился – наверное, потому что ему каждая секунда кажется вечной.

Тень – девушка, мятежница, убийца родителей – смотрит на него, белые звёзды горят в её чёрных, чёрных глазах...

Чей-то возглас вырвал его из холла, погрузив во тьму, какая обычно царит перед закрытыми веками.

Кошмар нехотя выпустил Джеми из цепкой ледяной глубины.

Он устался на лампу, мерцавшую на чайном столике. Осознал, что он там, где и должен быть: в тканевом кресле посреди тёплой гостиной, с книжкой в руках, на затянувшемся вечернем чае.

- ...да, я уверен, - говорил Герланд – сидевший напротив, а не тащивший трёх перепуганных детей из залитого кровью дворца, - потому что мне несвойственно выражать вслух то, в чём я *не* уверен, и к этому моменту ты мог бы это уже...

Джеми посмотрел на книгу – во сне ослабшие пальцы упали на колени вместе с ней.

Надо же. Заснул. На самом интересном месте (утренние тренировки и ночная зубрёжка не прошли бесследно). И опять во сне отправился в чужую память, – хотя Джеми она каждый раз казалась очень даже своей.

Алексас не уставал шутить, что младший брат нагло посягает на его личное пространство, но при том, что их связывало, обмен воспоминаниями был неизбежным побочным эффектом.

- ...я не понимаю, зачем сперва созывать узкий круг, - настаивал Найдж. Его голос и вырвал Джеми из сна: из троицы Основателей – альва и двух колдунов, которых чаепитие собрало за одним столом, рассадив по соседним креслам – лишь Найдж повышал тон в спорах. – Ты не хуже меня понимаешь, что нас вряд ли предадут кто-то из...

Свыкнувшись с тем, что холод королевского дворца остался за гранью сна и пропастью минувших лет, Джеми поёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

Сам он восстание не помнил. Это Джеми был розовым комком, хныкавшим в ворохе пелёнок, пока его брат бежал с Герландом от мятежников, а в дворцовых коридорах вырезали придворных, ещё вчера даривших маленькому Алексасу улыбки и сласти. И предпочёл бы не помнить, – поэтому поспешил вернуться к чтению, где Рикон как раз повстречался с виспом, стражем болот.

«...тварь, державшая в руке зелёный фонарь, улыбнулась ему. Чудовищная ухмылка жутко смотрелась на лице, что Рикон привык видеть в зеркале.

- Я знаю, чего ты боишься, Рикон, - сказал монстр, принявший его облик. – Псы магистра Ларнека уже идут за тобой, но самый большой твой страх – стать таким же, как он...»

- ...Джеми!

Он уже привык пропускать беседы старших мимо ушей, но зов Герланда был не той вещью, которую можно игнорировать.

Пришлось из манящей реальности книжных страниц неохотно выныривать в окружающую действительность.

- Я понимаю, что сказочные небеса предпочтительнее, - когда воспитанник удостоил его безраздельным вниманием, сказал Герланд, и серебристые альвийские искры блеснули в его зрачках призраками далёких звёзд, - однако порой полезно спускаться на нашу бренную землю.

Джеми произвольно вжал голову в плечи.

Пылающий камин жарко натопил маленькую гостиную, полную гобеленовой ткани и резного дерева, но холодок зимней ночи, сквозивший в голосе альва, кого угодно заставил бы поёжиться.

- Особенно уместно здесь слово «наша», - скептически подметил Алексас. – Не припоминаю, чтобы альвы считали Подгорное королевство своей землёй.

Джеми удержался от ответа, – в который раз порадовавшись, что брата больше никто не слышит.